

Науменко Майк

23.08.02

in memoriam Газета — 2002 — 23 авг — с. 9

прощай, детка

МАКСИМ КОНОНЕНКО (MR.PARKER)

Наступает очередная годовщина со дня смерти главного советского рок-певца, чье имя в отличие от Виктора Цоя не так известно широким массам. Москва спокойно встречает дату смерти Майка Науменко. Не будет ни специальных концертов-трибьют, ни вечеров памяти. Потому что после настоящих музыкантов остаются их песни.

«Что это за гадость?» — «Это «Зоопарк».
«А чего ж он играть-то не научился,
«Зоопарк» твой?» — «А черт его знает...».

Мое удивление было искренним. Фирма «Мелодия» не должна была выпускать эту пластинку. «Мелодия» была организацией солидной, а тут какая-то самостоятельность. Один трек на пластинке просто вывел меня из себя. То была песня «Я люблю буги-вуги». Да-да, та самая «Я люблю буги-вуги», что так блистательно исполнял сверхпопулярный в то время бит-квартет «Секрет». А тут безголосый некто проговаривает эту чудо-песню под сумбурный аккомпанемент каких-то бестолковых пионерских барабанов и пары расстроенных гитар. Это не соответствовало моей системе восприятия мира. Шел 1987 год.

Зимой 1988-го волею случая я оказываюсь вместе со своими сверстниками в Твери, где мой знакомый покупает в «студии звукозаписи» пару кассет. Те две кассеты я до сих пор помню. Они стоят у меня перед глазами и говорят: «Вот, парень, как все поворачивается». Сначала ты один, потом — другой, еще через год — третий. На тех двух кассетах было записано четыре альбома: «Wonderful Life», «Black», «Music For The Masses», «Depeche Mode», «Группа крови», «Кино» и «Белая Полоса». «Зоопарка». А мне, черт возьми, понравился Black. «Зоопарк» я стал не любить еще больше. Потому что первой песней на кассете, которую мне поставил мой знакомый, была «Голники». А это — самая плохая песня Майка. Чудовищно, вызывающе плохая. Я ее до сих пор не могу Майку простить. Как он, эстет от Бога, мог сочинить такую глупость — для меня тайна.

А «Сладкая N», «Дрян», «Лето», «Прощай, детка» — все это оставалось где-то в другом мире, до которого я еще не добрался, с которым еще не пересекался.

Эти песни я услышал не от Майка, нет. Я знал их всегда. Они были везде. Их пели вокруг меня разные люди, с которыми я пробовал и себя на ниве рок-музыки. В конце восьмидесятых — самом начале девяностых рок-музыка была тем же самым, чем сейчас является Интернет. Кажется, что так все просто: взял и сделал — и вот ты велик, у тебя белый лимужин, и семьдесят тысяч фанатов ожидают тебя на стадионе в Лужниках. Вот-вот и хит-парад Биллборда будет состоять сплошь из русских фамилий. Спутник, самовар, валенки, перестройка, русский рок. Ни фига. Так и остались самовар и валенки.

Я прекрасно помню тот момент, ту секунду, когда я понял, что такое Майк на самом деле. Я проснулся утром одетым в кресле. Именно так. Я проснулся утром одетым в кресле, в своей квартире, среди знакомых стен. И включил магнитофон. И услышал «Сладкую N», которую кто-то там забыл в ночном угаре. Я не расставался потом с этой кассетой месяц, пока не потерял. В те времена так легко было полюбить. Один месяц у тебя на уме одно, другой — совсем другое. Майка так легко было слушать. Его так легко было играть и петь. С ним вообще было легко.

Я никогда не был на его концерте. Только недавно узнал, что в 1982-м или 1983 году в подмосковном Троицке был сорван его концерт в Доме ученых, после которого публика и музыканты отправились в близлежащий лес, где и состоялся сейшн. Там же был таинственный человек с огромным магнитофоном на батарееках — тогда были в моде такие магнитофоны, вроде Sharp-777. Мои попытки найти этого человека в Троицке и узнать судьбу записанной им пленки пока не увенчались успехом — столько лет прошло. А было бы очень интересно — из соображений восстановления исторической правды о троицкой тайной музыкальной жизни.

Майк Науменко так и не стал настоящей рок-звездой на 1/6 части суши. Эту миссию взял на себя Виктор Цой

Надо понимать, что к тому моменту, когда я и огромная часть населения СССР стали слушать, любить и почитать рок-группы ленинградской школы, группы эти по большей части находились уже на финишной прямой. После десяти лет существования они на большой скорости двигались к саморазрушению. Было понятно, что «Кино» долго не просуществует (совершенно вне контекста смерти Цоя), было совершенно очевидно, что «Аквариум» в том — звездном — составе уже просто разваливается изнутри. Больно было смотреть на растерянный в новых условиях «Телевизор». Кажется близким раскол «Алисы» (и это была ошибка). Никаких таких мыслей не возникало о «Зоопарке». Просто потому, что такой группы в моем сознании, честно говоря, совершенно не отложилось. То есть для меня всегда существовал Майк Науменко, человек, по-

юющий под гитару простые, как сама правда, песни. Было ощущение, что парень даже не сочиняет стихи, а просто рассказывает то, что должно быть известно всем. Когда я, скажем, шел на рассвете по туманной Тверской (или Невскому — где приходилось) — трезвый до неприличия, без сигарет и спичек, в то время, когда даже проститутки уже давно спят после работы и у них не стрельнешь сигарету, — разве мог я в такие моменты подумать, что «серый туман и дождь, светает, шесть утра, вот и наступило то самое завтра, о котором я что-то слышал вчера» — сочиненные стихи?

Это же естественный ход мыслей. Естественный ход мыслей нормального человека, положенный на самую естественную из всех музыку — соль мажор. «И восприятие крайне обострено».

Группы «Зоопарк» в моем сознании не существовало. Не нужна была никакая группа «Зоопарк». Майк был диковинным зверем. Он жил где-то в коммуналке, пил не по-детски, плохо пел и играл на гитаре так, как может сыграть каждый. И при этом он и именно он был настоящей рок-звездой. Он хотел ей быть — и он ей стал. Считается, что настоящим героем рок-н-ролла был Цой. Черта с два. Им был именно Майк. И он был самоценен. Никакая группа ему не была нужна. Я был уверен, что он доживет до седых волос и будет кем-то вроде Боба Дилана — таким символом, о котором можно будет рассказывать внукам, когда они спросят, что это там за старикан в телевизоре. Но он не дожил до седых волос. Он умер 27 августа 1991 года во время послепутевой истерии так, что этого почти никто не заметил. Ему было тридцать шесть лет.